

Виктория Горбань, Ольга Побережная
ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В XX веке из 2-х основных концепций – лингвистической и антропоцентрической – лингвистика все чаще опирается на последнюю, которая предметом изучения считает языковую личность, ее мыслительные способности и речевые возможности порождения и восприятия высказывания.

Более того, с конца 60-х годов прошлого века многими науками (психологией, социологией, социальной философией, историей и др.) подчеркивается гендерная идентификация человека, т. е. человек рассматривается не просто как биологический субъект, а как биосоциокогнитивная система. Языковеды также ищут ответ на вопрос о взаимосвязи пола, общественных экспектаций и речевого поведения.

В русле гендерной проблематики, которая разрабатывается довольно успешно как в дальнем зарубежье (Я. Лакоф [14], С. Трёмель-Плётц [16], Ю. Самель [15] и др.), так и в ближнем и в отечественной лингвистике (А. В. Кирилина [7], И.В. Грошев [3], Е.А. Земская, И. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова [5], Е. И. Горошко [1, 2], А.М. Холод [13] и др.), написана и наша статья. В современной гендерологии довольно полно описаны идентификационные признаки мужской и женской речи на материале языка художественных произведений, языка рекламы, языка бизнеса, а также текстов, созданных в ходе ассоциативных экспериментов; активно разрабатывается идентификационная диагностика, изучающая письменные и устные тексты автора с целью определения параметров личности, в том числе и пола. Гендерные особенности перевода еще мало изученный аспект, вот почему он и является целью нашего исследования.

Исследования в рамках антропоцентрического подхода в лингвистике обычно проводятся на материале одного языка или языков разных групп. Сопоставления даже близкородственных языков репрезентирует довольно широкий пласт ощутимых различий, обусловленных собственно языковыми, психолингвистическими, социолингвистическими и другими причинами [8, с. 46]. Обращение же к славянским языкам разных групп (западной, восточной, южной) позволит яснее почувствовать «народную жизнь» и «народную психологию», как писал В. фон Гумбольдт [4]. В статье рассмотрены мужские и женские варианты переводов на русский язык стихотворений болгарского поэта Николы Вапцарова и польского поэта Адама Мицкевича.

Любой переводчик, даже самый талантливый, сталкивается с трудностями перевода, потому что ему необходимо ввести текст в другую

культурную среду с другим запасом фоновых знаний. Переводчику при этом необходимо воссоздать стиль оригинала и не утратить свою стилистическую манеру. Переводчик, являясь основным звеном в процессе межкультурной коммуникации, «создает в своем собственном гносеологическом континууме модель исходной мысли, причем ее адекватность будет зависеть от множества факторов: от степени информированности переводчика, от расстояния между автором исходного текста и переводчиком, а также от *характера мышления* (выделено нами – В. Г., О. П.) переводчика» [6, с. 14]. Под характером мышления мы понимаем несколько составляющих. Еще М. Рьльский говорил, что не только печать национальности, но и печать индивидуальности лежит на каждом талантливом переводе [12, с. 12]. Можно добавить, что на переводе лежит и гендерная печать, т. е. влияние на выбор определенных языковых средств при переводе оказывают различное строение и функции головного мозга мужчин и женщин, которые обуславливают психологические особенности мужского и женского пола, а также гендерные стереотипы. Удачным является перевод, который наиболее близок к языку оригинала. При этом учитываются как экстралингвистический фактор, так и собственно лингвистический, который предполагает максимально точное воспроизведение текста на каждом из пяти, как считает В. Коптилов, уровней: фонетическом, ритмическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом [9, с. 92].

Рассмотрим язык оригинала и перевода с учетом всех вышеперечисленных параметров. При переводе и с болгарского, и с польского переводчиками обоего пола удалось передать ритм стихотворений, эквилинеарность, т. е. то же количество строк при переводе, что и в оригинале, а также использование мужской и женской рифмы там, где это необходимо, что было, несомненно, трудно особенно при переводе с польского, т. к. «в польском языке при его постоянном ударении очень трудно дать последовательную передачу русского... силлабо-тонического стиха, а также чередование женских и мужских окончаний» [12, с. 17].

Сопоставление морфологических единиц выявило значительные расхождения между языком оригинала и перевода. Переводчицы-женщины вводят значительно большее количество местоимений (особенно личных): *Biezu w dol do strumyka. – К избушке мчится пани (м).* – Она бежит сквозь ельник (ж)¹. *Там, дето в гаснещата вечер дъхът на тропика се чувства? – Туда, где в голубых просторах дыханье тропиков ты чувствовал? (ж).*

Как мы уже говорили, на каждом талантливом переводе лежит не только гендерная печать, но и сказывается влияние индивидуальности

переводчика. Пишущий довольно оригинальные стихи переводчик не может оставаться бездушным транслятором, он невольно привносит в создаваемый им вариант перевода свое личное «я», потому что психофизиологическую базу порождения вариативности при переводе «составляет относительно независимый субстрат сознания» [10, с. 27]. Таким образом, переводчик может «корректировать» авторский текст, исходя из своего видения ситуации. Так, Б. Слуцкий, пишущий прекрасные стихи, меняет местоимения при переводе, расставляя по-другому акценты: *С живота под вежди се гледаме строго и боря се с него, долгото мога. С живота сме в разпра, но ти не разбирай, чем разя живота.* – *Жизни в глаза исподлобья гляжу я. Сколько есть сил, ей не уступлю я. Как бы со мною жизнь не была зла, я не питаю нисколько к ней зла.*

При сопоставлении русского и болгарского текстов мы видим появление личных местоимений и у переводчиков-мужчин. Это связано с особенностями синтаксиса: для болгарского языка характерными являются определено-личные предложения, русский же язык более конкретен, предпочтение при переводе отдается двусоставным предложениям: *Но в бурята ще бъдем пак съе тебе, народ мой, защото се обичахме.* – *Но знай, народ, с тобой в отрядах первых пойдем вперед мы в буре необычной! (м.)*

Для «женского языка» характерно не только большее количество местоимений, но и частиц. *Сзу кто не jedzie do нас? Быть может, гости к нам? (м.). Не к нам ли в гости кто-то? (ж.)* При переводе с болгарского и у мужчин-переводчиков довольно частотно употребление местоимений и частиц, что также связано с синтаксисом. Эти части речи появляются вместо глаголов-связок: *Борбата е безмилостно жестока. Борбата, както назват, е епична.* – *Борьба так беспощадна и жестока. Борьба, как говорят еще, эпична.. Това е толкоз просто и логично.* – *И все это так просто и логично.*

Для мужских переводов характерно употребление имен прилагательных, даже если их нет в тексте оригинала: *Но в бурят ще бъдем пак със тебе, народе мой, защото се обичахме.* – *Но знай, народ, с тобой в отрядах первых пойдем вперед мы в буре необычной!*

Мужчины употребляют больше качественных прилагательных, причем, в основном, в положительной степени, а не в сравнительной, что характерно для женских вариантов: *Zsiniale usta, Zbladla jak chusta.* – *Лицо бело, как иней, Рот искривился синий (м. – Лицо белей рубахи, Уста синее льда. (ж.)*

Женщины чаще используют глаголы при переводе: *Ти помниш ли морето и машините, и трюмовете, пълни с ленкав мрак?* – *Ты помнишь ли то море, и машины, и трюмы, что наполнил липкий мрак? Рар зе*

strachu zbladla, Zemdlala i upadla... Z trwoga dokola rzuca... Как пани побледнела, На миг обмякло тело...– Смятение и тревога... (м.) – Тут пани побледнела, Поникла, обомлела... Не в силах скрыть тревогу (ж.).

В области синтаксиса также существуют различия в языке оригинала и перевода. Обычно переводчик старается сохранить порядок слов в предложении, если это стилистический прием автора. Так, в стихотворении Н. Вапцарова «Письмо» 4 раза строки начинаются «*Tu pomniш ли...*», что повторено переводчиком, хотя такой строй не характерен для русского синтаксиса. В остальных же случаях в женских переводах чаще, чем в мужских, встречается непрямой порядок слов, хотя это и не связано с особенностями текста оригинала: *Biezu prosto do domu...– Домой помчалась что есть мочи (м.)– Бежит тропой лесною (ж).*

Согласно гендерным стереотипам, женщины склонны к кооперативной беседе, что отражается и на построении предложения: вводные слова, отсутствие императива и т. д. Мужской же тип коммуникации – менее гибкий, но более динамичный. Вероятно, именно этим объясняется пропуск вводных слов и обращений в мужских переводах, хотя они есть в оригинале, в то время как в женских они превалировали даже там, где их не было в оригинальном тексте: *Ty jeszcze jestes mloda...– Ты молода, прекрасна (м.) – Ты, пани, молода (ж).* *Rosnij kwiecie wysoko...– Растите так высоко (м.)– Расти, цветок, высоко (ж).* *Dzis jutro pewnie bedzie...– Он будет завтра дома (м.)– Вернется, видно, скоро (ж).*

При построении предложения при переводе оказывает влияние и ассоциативное поле. «Мужские ассоциации богаче и более “распределены”, чем женские» [11, с. 114]. Женщина-переводчик чаще мужчин строит предложение по уже готовому образцу: *A бяхме млади, бяхме толкоз млади!... – Как молоды, как молоды мы были!*

На лексическом уровне обнаруживается самое большое количество гендерных особенностей. Так как у женщин больше, чем у мужчин, развито правое полушарие, то для них характерна образность восприятия и мышления, фантазирование, гиперболизация; очень часто в женских вариантах подбираются слова с коннотацией, несмотря на отсутствие таковой в оригинале. *Div kopneж* переводится не «*дикая мечта, сильное желание*», а *дикая тоска*; *biezu* – *бежит (м), плутает (ж)*. Многие исследователи обращают внимание на консерватизм женщин в употреблении ими лексических единиц, приверженность норме, часто использование женщинами готовых речевых клише [11], это также было обнаружено при сопоставлении вариантов переводов: в женском варианте превалирует книжная лексика и лексика, используемая в фольклорных

текстах: *Wreszcie na jedno zdani, Ida razem do pani.* – *Чтоб все решить по чести, Идут к невестке вместе (м).* – *Одна у двух зазноба – И к ней приходят оба (ж).* *Czekaja az do lata, Zapominaja brata.* – *Прошла весна, и к лету О нем помина нету (м).* – *Все лето в замке жили, О брате не тужили (ж).*

Анализируя особенности перевода, необходимо помнить о трех составляющих: национальной, индивидуальной и гендерной, которые тесно переплетены. Гендерная принадлежность, репрезентируясь в текстах перевода, дает возможность выявить их специфические особенности. Как показало исследование различных переводов в данной статье, гендерный фактор чаще всего является решающим при выборе тех или иных языковых средств переводчиками.

Примечания

¹ Здесь и далее: м – мужской вариант перевода, ж – женский.

1. Горошко Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения: психолингвистический анализ. Дис... канд. филол. наук.– М., 1996.
2. Горошко Е., Кирилина А. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования.– М., 1996.
3. Грошев И. В. Рекламные технологии гендера // ОНС.– М., 2000.– № 4.– С. 173–179.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры.– М., 1985.– 400 с.
5. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект.– М., 1993.
6. Казанова Т. А. О психологическом аспекте перевода // Перевод и интерпретация текста. Сб. научн. тр.– М., 1988.
7. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты.– М., 1999.
8. Кононенко В. І. Національно-мовна картина світу: зставний аспект (на матеріалі української та російської мов) // Мовознавство.– 1996.– № 6.– С. 39–46.
9. Коптілов В. Д. Першотвір і переклад.– К., 1972.
10. Нечаев Л. Г. Факторы, определяющие коммуникативную вариативность при переводе // Перевод и интерпретация текста. Сб. научн. тр.– М., 1988.
11. Потапов В. В. Многоуровневая стратегия лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания.– 2002.– № 1.
12. Рыльский М. Ф. Искусство перевода: Статьи. Заметки. Письма.– М., 1986.
13. Холод А. М. Речевые картины мира мужчин и женщин.– Днепропетровск, 1997.
14. Lakoff R. Language and Woman's Place.– N.Y., 1973.
15. Samel J. Sinführung in die feministisene. Sprachwissen-shaft.– В., 1995.
16. Tromel-Plotz S. Linguistik und Frauensprache // Linguistische Berichte.– 1978.– V. 57.– S. 49–69.